

Днепровский Н. В.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ КУЛЬТОВЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ БАХЧИСАРАЯ И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ АРМЯНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕНТРОВ В СТОЛИЦЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Ранее мы неоднократно подчёркивали необходимость изучения истории христианских поселений на территории Крымского Ханства [Днепровский, Чореф 2007, 18; Днепровский 2008а, 54; Днепровский 2008б, 31; Днепровский 2010, 14]. В частности, Крымский полуостров является одним из древнейших ареалов расселения армян на территории современной Украины. Однако религиозная деятельность крымских армян остаётся недостаточно изученной. Например, Т. Э. Саргсян на основе анализа письменных источников смогла “выявить три армянских духовных центра в Бахчисарае” [Саргсян 2006, 139]. Однако лишь один из них – пещерную церковь Святой Богородицы – исследовательница считает возможным отождествить с объектом, археологическое исследование которого проводилось В. А. Петровским с 1996 г. [Саргсян 2006, 137], т. е. с так называемым “полупещерным армянским храмом” на ул. Пушкина¹. Попыток локализации

¹ К сожалению, литература по истории армянского строительного искусства касается, главным образом, наземных сооружений. Между тем, существование пещерных поселений Гориса, Хндзореска, Спитака и наличие таких жемчужин архитектуры, как монастырь Гегард или “пещерный Ани”, указывает на давние и развитые традиции армянского скального зодчества. В этой связи в Крыму сложилась парадоксальная ситуация: крымские “пещерные” города исследуются давно, но армянская принадлежность бесспорно установлена только для фрагментов разрушенного пещерного храма на ул. Пушкина в г. Бахчисарае (бывшее “Армени-дере” – Армянское ущелье). Причём до последнего времени отсутствовали сколько-нибудь серьёзные попытки не только реконструкции этого храма, но даже его первичной локализации [Днепровский, Чореф 2007, 19–20]. Так, в известной монографии Ю. М. Могаричева [Могаричев 1997, 96] он упомянут одной фразой, причём без каких-либо обоснований именуется “полупещерным” и датирован XVI–XVII вв. Как армянская интерпретируется также одна из пещерных церквей Инкермана [Могаричев 1997, 14]. И это всё. Между тем, не вызывает сомнения, что армяне внесли свою лепту в крымское пещерное зодчество.

“относительно древней” церкви св. Григория Просветителя и новой церкви Богородицы она не делает. К тому же, она выявила в письменных источниках ряд неувязок.

В условиях подобного рода неопределённости ценнейшими историческими источниками являются сами культовые сооружения. Их наличие позволяет не только установить факт существования в исследуемом районе тех или иных религиозных общин, но и датировать сами поселения, на территории которых они находились [Днепровский, Чореф 2007, 18].

Несколько лет назад в Рукописном отделе РГБ при разборе материалов художника и археолога Д. М. Струкова мы обнаружили его черновую запись о том, что в Бахчисарае, “против полицейского участка выше дома Абаджи Грек в пещере цер” [Днепровский 2008а, 49; Днепровский 2008б, 25], и предположили, что сокращение “цер” следует читать как “церковь”. Эта церковь не упоминается более нигде. Поэтому мы попытались локализовать её.

Нам удалось выяснить адрес бывшего полицейского участка. Оказалось, что это – старое здание милиции (ул. Николая Спаи, 22). Между этим зданием и Ханским дворцом на противоположном северном склоне долины р. Чурук-Су, действительно, имеется участок скального выхода. На старых фотографиях в нём просматриваются остатки пещер, в настоящее время почти невидимых и труднодоступных – эта территория теперь застроена и заросла кустарником. При обследовании на местности нами был выявлен комплекс из пяти компактно расположенных искусственных пещер, расположенных на территории домовладения по ул. Горького, 28а (рис. 1). На соседнем участке (ул. Горького, 30) в 8 м к востоку от комплекса находится ещё одна пещера, а ещё примерно через 20 м – скальный навес со следами подрубок. Пещеры, находящиеся по адресу ул. Горького, 28а, с 1963 г. используются в хозяйственных целях и в течение этого времени никем не исследовались. Результаты обследования этих пещер и подробный иллюстративный материал приведены в наших работах [Днепровский 2008а, 49–55; Днепровский 2008б, 25–31]. Здесь мы приводим лишь основные из них, позволяющие решить стоящую перед нами задачу.

План и разрез выявленного пещерного комплекса приведены на рис. 2.

Южная стена большинства помещений не сохранилась, как и стена, разделявшая помещения 1 и 2, а также стена (если она была), разделявшая помещения 3 и 4.

Помещение № 1 в настоящее время представляет одно целое с помещением № 2. Западная стена ориентирована строго с юга на север. На расстоянии 1,6 м и 2,2 м от южной стены в западной стене имеются две вертикальные подрубки шириной около 0,05 м. Северная стена в своей западной части на протяжении 0,93 м ориентирована строго с запада на восток. Здесь, вплотную к западной стене, на высоте 1,15 м, высечена арочная ниша шириной 0,77 м, высотой 0,6 м и максимальной глубиной 0,27 м. Далее северная стена помещения отклоняется к югу на 21 градус. В центре этой части стены, на высоте 0,26 м высечена большая арочная ниша, ориентированная на север с отклонением к востоку на 21 градус. Максимальная ширина её 1,85 м, максимальная высота 1,4 м, максимальная глубина 0,65 м. Справа от центральной ниши, на расстоянии 0,4 м от неё, в северной стене на высоте 1 м над уровнем пола вырублена ещё одна арочная ниша. Максимальные её размеры: высота – 0,8 м, ширина и глубина – 0,7 м.

Восточная стена помещения не сохранилась и прослеживается в виде следов на северной стене и “ступеньки” на потолке помещения.

Таким образом, помещение содержит большое число признаков, позволяющих предположить в нём пещерную церковь: вертикальные подрубки в западной стене могут быть следами алтарной преграды, центральная ниша в северной стене могла служить абсидой, а западная и восточная – протезисом и диаконником соответственно. Это объясняет различие в их размерах, поскольку для хранения церковной утвари требовалось больше места, нежели для совершения проскомидии. На церковный характер помещения указывает и странное изменение направления северной стены – это попытка символического разворота алтаря к востоку. Ориентация предполагаемой алтарной части на северо-северо-восток и поперечное расположение наоса сближают помещение № 1 с пещерным “храмом с баптистерием” на Тепе-Кермене, где, по замерам автора, алтарная часть ориентирована на север с отклонением примерно на 10 градусов к востоку. В то

же время поперечное расположение наоса известно, к примеру, в пещерной церкви А/1 в Игадзоре (Ани), имеющей длину от 2,08 до 2,35 м при ширине 5,15 м [Кипшидзе 1972, 123]. Правда, абсида этой церкви в плане имеет полукруглую форму, в то время, как в помещении № 1 она подпрямоугольная. Однако из 30 пещерных церквей Ани по крайней мере у трёх (F/13, H/14, L/13d) алтарное полукружие тоже заменено четырёхугольником [Кипшидзе 1972, 18]. Подобный же приём применялся и в храмах пещерных монастырей соседней с Арменией Грузии. Ниши подобной формы широко распространены в скальной архитектуре монастырей Закавказья [Гаприндашвили 1975, табл. 56, 58; 7, табл. 29].

В отсутствие археологических данных, можно попробовать оценить время возникновения храма с помощью литургической датировки [Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005, 75–76]. Помещение № 1, в соответствии с этой классификацией, полностью соответствует категории П.1 (поперечное расположение наоса, протезис в виде ниши небольшого размера, расположенный в наосе и притом в той же северной стене, что и алтарная абсида). То, что протезис находился именно в наосе, а не в алтаре, подчёркивается различием направления северной стены в зоне протезиса и абсиды на 21 градус. Позднее алтарная преграда, возможно, была вынесена в наос, о чём говорят подрубки на западной стене, чётко выделяющие новую алтарную зону, а протезис мог быть перенесён в углубление западной стены. Тогда этот храм должен был быть вырублен не ранее VIII и не позднее XII в. Заметим, что его архитектурные формы сходны с помещениями “пещерного Ани” и монастыря Давид-Гареджи, высеченных в XII–XIII вв.

Учитывая близость данного памятника к Армени-дере, где также имеются многочисленные пещерные сооружения и остатки армянской пещерной церкви, можно предположить, что и рассматриваемый нами объект в прошлом являлся армянским храмом.

Помещение № 2 было отделено от помещения № 1 скальной перегородкой толщиной около 0,2 м. В северо-западном и северо-восточном углах имеются идущие от пола до потолка, близкие к прямоугольным в плане скальные выступы, плавно закругляющиеся к потолку, шириной около 1,1 м. Северо-западный выступ

оканчивается подобием сильно разрушенной полуколонки с остатками капители, северо-восточный ещё более сильно разрушен, однако, возможно, тоже имел подобные элементы. Восточная стена пещеры имеет наилучшую во всём комплексе сохранность. Поверхность её практически плоская, без заметных следов обработки. На высоте 1,3 м над современным уровнем пола на этой стене сохранился на длину в 2 м от её торца трапецеидальный в сечении карниз. Наличие таких элементов декора, как карниз, угловые пилоны, остатки полуколонки может служить признаком армянской принадлежности комплекса. Похожую структуру имели трапезные и притворы наземных монастырей Армении и помещения скальных монастырей соседней с Арменией Грузии. Приведём для сравнения описание пещерной церкви в Ани: “Западная стена... охвачена полукруглой подпружной аркой, опирающейся на два пилястра в западных углах с капителями в виде полки с откосом” [Кипшидзе 1972, 112–113]. При описании анийских пещер, которые датируются XII–XIII вв., он специально обращает внимание на то, что «Тёска чистая; кроме кирки, по-видимому, употребляли какой-то другой широколезвийный инструмент, сглаживающий неровности и шероховатости, оставленные киркой (это замечается во всех помещениях “Пещерного Ани”...)» [Кипшидзе 1972, 112]. “Часто попадаются экземпляры с такими ровными и гладкими стенами, что приходится предположить – не шлифовали ли их (церковь N/4f и др.)” [Кипшидзе 1972, 14]. Именно такую стену мы и встречаем в помещении № 2, поэтому нельзя исключить того, что помещение № 2, как и помещение № 1, было вырублено ещё в XII–XIII вв.

Помещение № 3 отделяется от помещения № 2 скальной перегородкой толщиной 1,2 м с хорошо сохранившимися следами обработки, а от смежного помещения № 4 – скальным выступом шириной 0,7 м и ориентировано с юга на север. Северная стена скруглённая, наподобие остатков алтарной абсиды и содержит на разной высоте пять небольших, сильно оплывших ниш. Возможно, это остатки разрушенной “сталактитовой” отделки свода. В “пещерном Ани” известны и помещения с большим количеством расположенных рядом ниш (правда, не в полукруглой, а в плоской стене) [Кипшидзе 1972, табл. 20, 65]. Данное помещение могло быть небольшой скальной часовней.

Помещение № 4 ориентировано практически точно на север. Максимальная длина в этом направлении составляет 3,1 м, ширина – 3,5 м, высота – 2,1 м. Северная стена имеет почти полуциркульную форму. Во всю её высоту имеется арочная ниша с радиусом около 1,1 м и максимальной глубиной 0,7 м, похожая на алтарную абсиду. Восточнее неё на высоте около 1,2 м в стене имеются остатки характерной ниши, похожей на нишу для установки икон. Возможно, это помещение также было скальной часовней, но могло быть и пещерной церковью, а помещение № 3 – её приделом. Такие пещерные церкви с приделами в Ани относятся к XII–XIII вв. (например, церковь N/4) [Кипшидзе 1972, *рис. 42*]. Восточная стена пещеры несёт на себе вертикальную подрубку шириной около 0,06 м и высотой около 1 м, а также следы обработки и остатки тонкого слоя штукатурки или побелки. Торец стены обработан в виде капители или фрагмента разрушенной арки, поэтому помещение, возможно, продолжалось к югу. Если оно также было церковью, то вертикальная подрубка на восточной стене могла служить для крепления алтарной преграды. В одной из церквей “пещерного Ани” Д. А. Кипшидзе также отметил над её входом “остатки тонкослойной белой штукатурки со следами красной краски... церковь вся была покрыта тонким слоем штукатурки (или, может быть, просто выбелена известью)” [Кипшидзе 1972, *III*]. Такая штукатурка хорошо просматривается на многих фотографиях пещерных церквей Ани [Кипшидзе 1972, *табл. 15, 40, 41, 75*]. Подобную ей мы встречаем и в пещерах вокруг Армени-дере, а в наземной часовне разрушенного комплекса на ул. Пушкина она сохранила и следы красной краски. Снова отметим, что отделанные таким образом пещеры Ани датируются, главным образом, XII–XIII веками [Кипшидзе 1972, *19, 22–23*].

Однако помещение № 4 могло быть и пещерной церковью с протезисом в помещении № 3 и тогда, в соответствии с [Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005, *75–76*], подпадает под категорию П.4, то есть, построено не ранее XIV в.

Помещение № 5 отделено от помещения № 4 хорошо сохранившейся скальной стенкой, торец которой отделан наподобие пилястры с арочным завершением. Примыкающий к ней фрагмент стены имеет сводчатую форму со следами штукатурки уже описанного нами типа.

Помещение № 6 находится в 8 м к востоку от остального комплекса и представляет собой вытянутую с запада на восток пещеру почти прямоугольной формы. В северо-восточном углу на высоте около 1,6 м расположены остатки сильно разрушенной ниши. Следы ещё двух ниш имеются в северной стене на высоте около 0,5 м.

Далее к востоку, примерно в 20 м от помещения № 6, находится скальный навес со следами гнёзд под балки или стропила и сохранившейся в скале арочной нишей характерной формы.

На участке имеются два колодца. Один из них имеет каменный оголовок, очень похожий на оголовок колодца из Чуфут-Кале. Между этими двумя колодцами, примерно в 30 м по склону ниже пещерного комплекса и параллельно ему, на всю длину домовладений 28а и 30 по ул. Горького, проходит каменная кладка наподобие остатков ограды или подпорной стены.

Всё вышеизложенное привело нас к предположению, что выявленный пещерный комплекс мог быть небольшим армянским монастырём. На его территории находились три пещерные церкви или часовни, притвор или трапезная, хозяйственные постройки и не менее одного колодца. Все они компактно расположены в пределах обособленного скального массива и остатков ограды. Учитывая расположение комплекса практически напротив и выше Ханского дворца и Ханской мечети, можно предположить, что он был основан ещё до переноса столицы в долину реки Чурук-Су. При этом целый ряд архитектурных особенностей его помещений наводит на мысль, что это произошло уже в XII–XIII вв., а церковь в помещении № 1 могла возникнуть и того раньше. Так, А. Л. Якобсон датировал крымские церкви сходного типа VIII–IX вв., а Ю. М. Могаричев – X–XI вв. [Могаричев 1997, 85–86], что хорошо согласуется как с литургической датировкой [Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005, 75–76], так и с пещерными аналогиями из Ани. Постоянные параллели с анийскими пещерными храмами не кажутся нам случайными: об этом прямо говорит уже само название одного из основных источников наших знаний об армянских памятниках Бахчисарая – книги М. Бжкянца “Путешествие в Польшу и другие страны, обитаемые армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани” [Саргсян 2006, 142].

Своими соображениями мы поделились с главным архитектором Бахчисарайского историко-культурного заповедника В. Н. Борисовым. В ответ он предоставил в наше распоряжение имеющиеся у него материалы, за что мы приносим ему свою глубокую благодарность. Среди них особый интерес представляют копии старых планов г. Бахчисарая 1786 и 1811 гг. из Российского Государственного архива древних актов (РГАДА).

На плане 1786 г. [РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 5515] примерно в интересующем нас месте имеется крестообразный в плане объект (рис. 3). Аналогичный объект в том же самом месте имеется и на плане 1811 г. [РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 5518] (рис. 4). Однако здесь он промаркирован цифрой “3”, а на экспликации к плану (точнее, на одной из двух экспликаций) под этой цифрой значится “Армянская церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы” [Днепровский 2010, *рис. 5*]. Одинаковое положение церкви на двух планах говорит о малой погрешности её топографической привязки, что позволяет выполнить аналогичную привязку к современному плану Бахчисарая. Сегодня эта точка расположена между домовладениями № 30 и № 32 по ул. Горького, т. е. как раз под скальным навесом с подрубками (см. обозначения на рис. 5), которым заканчивается с востока выявленный нами пещерный комплекс [Днепровский 2008а, *фото 26 и 28*]. Таким образом, есть основания считать, что нами найдено место армянского храма во имя Успения Пресвятой Богородицы, причём, скорее всего, наземного, но связанного с пещерным комплексом. Следовательно, данный армянский культовый центр продолжал функционировать на этом месте вплоть до начала XIX столетия.

Более того. В 1933 г. художник П. Туманский изобразил на своём рисунке реконструированную панораму Бахчисарая времён Крымского Ханства. Мы не знаем, что именно он реконструировал на основе неизвестных нам документов, а что является всего лишь плодом его фантазии². Но на фрагменте панорамы (рис. 6) именно там, где на плане 1811 г. указана армянская церковь, изображена небольшая базилика с двумя башенками, поэтому не исключено, что наземный армянский храм Успения выглядел именно так.

² Так, на этом рисунке Большая мечеть Ханского дворца перекрыта куполами, которых, насколько сегодня известно, она никогда не имела.

Таким образом, у нас появились весомые доказательства армянского происхождения выявленного нами пещерного комплекса.

В этом свете иначе, нежели раньше, воспринимается приведённое в работе Т. Э. Саргсян [Саргсян 2006, 139] свидетельство источника о разрушении греками церкви Богородицы. Она считает, что “речь идёт о скальной церкви, а, значит, имевшее место разрушение её в первую очередь касалось интерьера”, и удивляется “чрезмерной медлительности, проявленной духовенством крымских армян при возобновлении разрушенной церкви (с 1634 по 1654 год)”. Поэтому она полагает, что в прочтении датировок вкралась ошибка, и церковь была разрушена не в 1634, а в 1654 году, и уже через год восстановлена. Однако дело выглядит совсем иначе, если разрушению подверглась не пещерная, а наземная церковь³, притом находящаяся буквально напротив Ханского дворца и прямо в окружении “обидчиков”-греков⁴. Ведь мы

³ Это предположение мы высказали ещё в своей работе [Днепровский, Чореф 2007, 24], но в то время местоположение этой наземной церкви нам не было известно.

⁴ Д. М. Струков писал о том, что пещерная церковь находится “выше дома Абаджи (или Адобаджи) Грека” [Днепровский 2008а, 49]. Более того, план Бахчисарая 1811 года по неизвестной причине имеет не одну, а целых две экспликации, которые совпадают лишь частично. Одна из них имеет буквенную, а вторая – цифровую нумерацию. Армянский храм Успения Пресвятой Богородицы, как уже было сказано, упомянут под цифрой “3” в экспликации с цифровой нумерацией. Но на плане к востоку от него менее чем в 80 саженьях (т.е. примерно в 150 метрах) имеется некий объект под литерой “а”. В экспликации с буквенным “изъяснением” под литерой “а” значитесь “греческая церковь” (Днепровский 2010, фото б). Понятно, что при столь близком расположении церковей межконфессиональный конфликт мог возникнуть достаточно легко. К сожалению, литера “а” в буквенной экспликации зачёркнута, а рядом поставлена цифра “1”, что нарушает всю логику обозначений, поскольку в цифровой экспликации единице соответствует Успенский монастырь, находящийся совсем в другом месте. На более раннем плане 1786 года (рис. 3) объект “а” отсутствует вовсе, а армянская церковь отмечена крестом, но не имеет литеры. Возможно, после землетрясения 1751 года (или после вывода армян из Крыма в 1778 г.) оба храма не функционировали, а, может быть, и были разрушены: греческий – полностью, а армянский – частично, что и отразилось на плане. Поэтому без

не знаем ни степени разрушения храма, ни глубины армяно-греческого конфликта⁵, ни позиции ханской администрации. А поскольку намерение настоятеля храма, иерея Ованеса, отправиться в паломничество в Иерусалим, “оставив разрушенную церковь и приход на Божьем попечении”, не осуществилось, и приход всё же вынужден был функционировать, то для этого было достаточно перенести богослужения в находящиеся рядом древние пещерные церкви. Поэтому в многолетней паузе в реставрации храма мы не видим ничего “странного”: острой необходимости в этом не было, а ситуация должна была нормализоваться. Поэтому указанные в первоисточнике даты разрушения и восстановления церкви вполне могут быть верными.

Выявление нами пещерного комплекса на ул. Горького позволяет прояснить и ещё одно “тёмное” место в письменных источниках, обнаруженное Т. Э. Саргсян.

Она отмечает, «что М. Бжжянц, упоминая бахчисарайскую пещерную церковь Святой Богородицы, пишет, что её “называли и Просветителем”... О. Тер-Абрамян также говорит, что абсида церкви Святой Богородицы называлась именем Григора Просветителя» [Саргсян 2006, 140]. Но далее делает вывод, что “средневековые источники не позволяют отождествлять церкви Святой

дополнительных исследований, которые не входят в задачу настоящей работы, достоверно говорить о присутствии напротив Ханского дворца, помимо армянской, ещё и греческой церкви было бы преждевременно. Но это не меняет характера наших основных выводов.

⁵ В этой связи нельзя не вернуться к высказанной нами гипотезе о “двухслойном” характере памятника, который, как мы указывали [Днепропровский 2008а, 54], может помочь проследить этническую историю христианских поселений Горного Крыма. Если, как мы предполагаем, пещерное помещение № 1 (рис. 1) представляет собой церковь раннего периода – категории П.1 по классификации А. Ю. Виногорова, Н. Е. Гайдукова и М. С. Желтова [Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005, 75–76], т. е. было вырублено между VIII и XII вв., то это произошло, возможно, ещё до появления в Бахчисарае армянской общины. Греки могли сохранить об этом память на длительное время и относиться к армянам как к “захватчикам” или даже, учитывая конфессиональные разногласия, как к “осквернителям” святыни. Судя по тому, что в дальнейшем новое крестово-купольное здание церкви было построено уже на другом месте – ближе к армянской слободе (см. рис. 5), конфликтная ситуация, возможно, не была до конца исчерпана.

Богородицы и Святого Пророка, как то сделали М. Бжкянц и О. Тер-Абраамян... Следовательно, мы имеем дело с двумя разными духовными постройками”. К вопросу существования отдельного храма во имя св. Григория Пророка в г. Бахчисарае мы ещё вернёмся. Пока что отметим лишь, что в нашей работе, посвящённой этому вопросу, мы пришли к выводу, что он являлся наземным [Днепровский, Чореф 2007, 25]⁶. Но о существовании наземного храма св. Григория достоверно известно лишь начиная с 1700 г., когда была сделана памятная запись иерея Маргара [Саргсян 2006, 140]. Поэтому у нас пока что нет оснований считать его даже “относительно древним”. Более того, к моменту посещения обоими исследователями этот храм был, скорее всего, уже до основания разобран на камень, и они уже просто не могли его видеть [Днепровский, Чореф 2007, 24].

Но ведь и М. Бжкянц, и О. Тер-Абраамян недвусмысленно и независимо друг от друга упоминают не о наземном, а о *пещерном* храме, а ещё точнее, об *одной из его абсид, т.е., другими словами, о приделе пещерной церкви*. Т. Э. Саргсян признаёт, что оба они “весьма добросовестно относились к составлению своих сообщений и не могли ошибиться” [Саргсян 2006, 140–141]. Поэтому она делает компромиссный вывод, что “церковь Святой Богородицы стали называть и именем Святого Пророка” после передачи туда реликвий из его храма [Саргсян 2006, 141]. Но с этим согласиться невозможно. Чин освящения храма – очень серьёзная вещь, и передача реликвий сама по себе не может изменить посвящения церкви. И М. Бжкянц, и О. Тер-Абраамян были священниками и в таком вопросе ошибиться не могли. В свете этого мы должны вспомнить, что в пещерном комплексе на ул. Горького целых три помещения имеют определённые признаки культового сооружения – храма (помещения № 1 и № 4) или, по крайней мере, часовни (помещение № 3). Возможно, один из этих предполагаемых храмов (например, помещение № 1) был посвящён Богородице, а другой (например, помещение № 4) – святому Григорию. Таким образом, вопреки утверждению Т. Э. Саргсян, “отождествлять церкви Святой Богородицы и Святого Пророка, как то сделали М. Бжкянц и О. Тер-Абраамян” вполне допустимо, если речь идёт о храмовом

⁶ Об остатках пещерных сооружений на ул. Пушкина см. далее.

комплексе на ул. Горького, а не о пещерном храме на ул. Пушкина⁷.

Тем самым снимаются также кажущиеся противоречия, которые послужили для Т. Э. Саргсян вторым аргументом в пользу пересмотра датировки восстановления церкви Пресвятой Богородицы после её разрушения греками. «Если дешифровка разрушения церкви (1634 год) верна, – пишет она, – то получится, что церковнослужители Святой Богородицы продолжали действовать “под сенью” разрушенной церкви. Об этом говорят приведённые выше записи 1639 и 1641 годов» [Саргсян 2006, 139]. Но если, как мы считаем, была разрушена наземная церковь комплекса на ул. Горького, то армянское население могло после этого духовно окормляться как в расположенной на расстоянии всего лишь двадцати метров предполагаемой одноимённой пещерной церкви, так и в храме на ул. Пушкина. Там же могло продолжаться переписывание книг и составление памятных записей.

Что же касается более ранней записи 1630 года [Саргсян 2006, 138], то, по нашему мнению, она действительно касается пещерной церкви на ул. Пушкина. При этом мы несколько иначе, чем Т. Э. Саргсян, интерпретируем содержащееся в этой записи выражение “она же суть церковь без основ”. Оно не просто означает пещерный характер церкви, ибо скальное основание, напротив, как нельзя лучше соответствовало бы словам Христа: “на сем камне создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её”. Наш анализ скатившихся сверху обломков на ул. Пушкина, содержащих элементы культовых пещер, позволил не только предположительно установить первоначальное местоположение [Днепровский, Чореф 2007, 23; Днепровский 2010, 16], но и предварительно реконструировать вид храма до катастрофы. Он

⁷ В этой связи интересно ещё одно свидетельство Д. М. Струкова, недавно обнаруженное нами в архиве: “Город (*Бахчисарай*. – Н. Д.) размещён в лощине между скал, к которым примыкают окрестные поселения, и некоторые дома пристроены прямо к скале, а у иных владельцев жителей есть под помещением древние пещеры и говорят в двух таких пещерах были древние храмы” (*сохранён стиль оригинала*. – Н. Д.) [Архив ИИМК РАН, ф. I, 1872 г., № 35, л. 24]. Не идёт ли тут речь о храмовом комплексе Святой Богородицы – св. Григория Просветителя?

находился (подобно скальной часовне Баклы, также рухнувшей в 90-е гг. XX в.) в *нависавшем* (т. е. *лишённом опоры*) скальном выступе, который и отломился, скорее всего, в результате шедшей поблизости разработки камня.

Можно назвать и примерное время катастрофы: труд М. Бжкянца вышел в свет в 1830 г., О. Тер-Абрамяна – в 1865 г. Следовательно, без больших натяжек можно считать, что храм обрушился во второй четверти XIX века.

К сожалению, трактовка обломков этого храма как “полупещерной” церкви надолго сняла вопрос о том, *откуда* могли скатиться эти обломки. Так, на основе материалов В. А. Петровского Т. Э. Саргсян сделала вывод, что “согласно сведениям И. Журьяри, в конце XIX века *рядом с обломками церкви* (курсив наш. – Н. Д.) находился колодец, а также вырубленная в скале лестница, ведущая в некогда существовавшую церковь” [Саргсян 2006, 138]. Это создаёт иллюзию того, что первоначальное местоположение “некогда существовавшей церкви” хорошо известно. Между тем И. С. Журьяри выделил колодец (“яму”) в отдельный объект, лежащий “левее на возвышенности” [Журьяри 1890, 108–109].

Действительно, “яма”, о которой писал Журьяри, и ступеньки в скале, ведущие к некоему подобию вырубленной в скале абсиды (по нашему мнению, естественного происхождения), находятся рядом друг с другом, но при этом расположены почти в 200 метрах от обломков церкви [Днепровский 2010, *фото 7*]. Поэтому обломки никоим образом не могли ни оторваться, ни скатиться оттуда.

Но где же, в таком случае, первоначально располагалась пещерная церковь Пресвятой Богородицы на улице Пушкина? На рис. 7 ясно видно, что единственное место сглаженного скального выхода, сохранившее следы отлома камня, расположено северо-восточнее места раскопок, возле штольни (отмечено стрелкой). Кроме того, здесь на скале имеется характерный карниз, остатки которого хорошо прослеживаются и на обломках рухнувшего храма [Днепровский 2010, *фото 9 и 10*]. Поэтому мы полагаем, что именно тут находился нависавший (“лишённый основ”) мыс или выступ, в котором и была вырублена “просторная и кругловатая” церковь Пресвятой Богородицы.

Скорее всего, именно этот пещерный храм отмечен как “Армянская церковь” под литерой “И” на плане г. Бахчисарая 1775 г. (рис. 8). На рис. 10 представлен современный спутниковый снимок интересующей нас части улицы Пушкина с нанесёнными объектами.

Вернёмся теперь к вопросу о существовании в Бахчисарае *отдельного* храма св. Григория Просветителя. Поскольку ранее мы посвятили этому вопросу специальную работу [Днепровский, Чорев 2007, 18–25], то здесь мы приведём лишь её основные результаты. Для этого обратим внимание на то место, *куда* обрушились обломки пещерного храма. В настоящее время это место находится в своеобразном котловане (рис. 9). В его границах хорошо видна кладка большого прямоугольного здания (10,84 на 9,02 м). По периметру это сооружение было ограждено стеной, сложенной из крупных глыб известняка. Судя по расположению позднесредневековых надгробий вокруг него, пол помещения изначально был значительно ниже уровня современной дневной поверхности. В центре его сохранились следы установки двух рядов каменных колонн. На своих местах остались два обломка колонн и три базы. Вероятнее всего, колонн было четыре. Их расположение указывает на то, что помещение было разделено на три части. Крайние части имели ширину 2,56 м, а средняя – 3,0 м. В ней обнаруживаются следы двух стенок, пристроенных к восточной стене. Вероятно, они очерчивали внутренние стены пастофориев. К сожалению, неконтролируемое специалистами участие в судьбе памятника местных жителей сделало свое дело. Однако, анализ сохранившихся элементов постройки позволяет сделать вывод, что первоначально это строение являлось одноапсидной трехнефной церковью и, судя по конфигурации алтарной части, армянской (абсида не выступает за прямоугольный контур здания). Рухнувшие сверху глыбы с остатками пещерной церкви лежат на такой же вымостке, что и находящиеся невдалеке обломки колонн. Заметно также, что эти глыбы подпирают и остатки стен. Следовательно, известняковые блоки зафиксировали состояние памятника на момент их падения. Другими словами, к моменту обрушения *пещерного* храма от *наземного* осталась лишь нижняя часть. По нашему мнению, это и есть ни что иное, как фундамент наземного храма св. Григория.

В дальнейшем, вероятно, на территории бывшего храма было возведено несколько поздних сооружений. Из них лучше сохранилась постройка в северо-восточной части. Она представляет собой небольшую часовню размерами 5,04 на 2,58 м. Ее северная и южная стены сложены из тщательно подтесанных известняковых блоков вторичного использования и из бута. Наибольшая высота этих стен 1,35 м. На них сохранились следы фресок. Так, на пяти камнях северной и на десяти южной стены просматриваются пятна красной краски. Рядом вырезаны четыре равносторонних рельефных креста (2 – 0,24 м и 2 – 0,12 м), левый, нижний и правый вписаны в круги. Восточная стена этого сооружения была сложена из бута. Когда в Бахчисарае возникает иезуитская миссия, один из её участников, о. П. дю Бан, писал, что начал свою проповедь в часовне, устроенной в полуразрушенной армянской церкви. Очевидно, речь идёт именно об этом сооружении. Служба в этой капелле, возведенной на развалинах храма, продолжалась недолго. Уже в 1713 году иезуиты получили разрешение построить домовую церковь. В результате вывода христиан из Крыма в 1778–1779 годах часовня была заброшена, а выше ее по склону устроили каменоломню. Допускаем, что в это время большая часть сооружений раннего наземного храма была разобрана до фундамента. Возможно также, что наземный храм св. Григора Просветителя к тому времени уже мог быть разрушен землетрясением 1751 года [Днепровский, Чореф 2007, 24]. Вероятно, во второй четверти XIX века в результате обвала несколько известняковых глыб упало на территорию бывшего армянского храма. Поскольку восстанавливать памятник было уже некому, его быстро занесло землей, под которой большая его часть покоилась до конца XX века.

Расположение всех перечисленных выше объектов Арменидере показано на рис. 10.

Наконец, рассмотрим ещё один упомянутый Т. Э. Саргсян армянский духовный центр в Бахчисарае. Речь идёт о новом здании церкви Пресвятой Богородицы. “Известно, что это было прямоугольное крестово-купольное сооружение”, – пишет Т. Э. Саргсян [Саргсян 2006, 136–137]. На фото г. Бахчисарая начала XX века видна крестово-купольная церковь, расположенная гораздо западнее пещерного комплекса. По данным В. Н. Борисова, церковь

была армянской (рис. 11). Естественно предположить, что это и есть *новопостроенная* церковь Святой Богородицы⁸. Как мы знаем, на плане 1811 года церковь находится ещё на старом месте. Следовательно, время постройки нового храма находится между 1811 годом и двадцатыми годами XIX века. Нам также достаточно точно удалось оценить его местоположение [Днепровский 2010, *фото 1 и б*]. Он располагался приблизительно на месте нынешнего дома № 18 по ул. Горького, (см. обозначения на рис. 5).

Таким образом, имеются веские доводы в пользу армянского происхождения и культового характера выявленного нами в 2007 г. пещерного комплекса, позволяющие предположить его посвящение Пресвятой Богородице и, возможно, св. Григорию Просветителю. Добавление его к перечисленным в работе Т. Э. Саргсян духовным армянским центрам в Бахчисарае позволяет непротиворечиво локализовать все остальные упомянутые в ней центры, а также попытаться проследить их эволюцию, которая, возможно, была следующей.

1. Предположительно, между VIII и XII вв. была вырублена первая пещерная церковь (“помещение № 1”) в скале напротив нынешнего Ханского дворца, стилистически близкая пещерным храмам Закавказья. Подобные параллели отмечались и прежде [Веймарн 1980; Веймарн, Чореф б/г], но если удастся археологически подтвердить данное предположение (включая храмовый характер пещер), то это может указывать на более раннее, чем было принято считать, проникновение армян в Крым [см., например, Корхмазян 2008, 46].

2. Не позднее, чем к моменту переноса столицы Крымского Ханства в долину р. Чурук-су, мог возникнуть армянский культовый центр, включавший пещерную церковь св. Богородицы с приделом св. Григория Просветителя и другие помещения (причём их помещения-аналоги из Ани датируются XII–XIII вв.).

⁸ По-видимому, достоверно установить как посвящение, так и точное местоположение храма можно по плану г. Бахчисарая начала XX столетия, экземпляр которого до передачи Крыма в состав УССР, по данным В. Н. Борисова, хранился в бахчисарайском городском архиве. К сожалению, местонахождение этого плана на сегодняшний день ни В. Н. Борисову, ни автору настоящей работы неизвестно.

3. В дальнейшем, очевидно, до завоевания Крыма турками здесь же появляется и наземный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, разрушенный в 1634 г., но восстановленный в 1655 г. и просуществовавший, как минимум, до 1811 г. Заметим, что прямо под выявленным нами объектом на ул. Горького имеется и ещё один пещерный комплекс – на ул. Ленина. Установить, имеет ли он какое-то отношение к армянскому храмовому комплексу на ул. Горького, можно только в результате соответствующих исследований.

4. Не позднее XVII в. на территории нынешней ул. Пушкина была вырублена ещё одна церковь во имя св. Богородицы.

5. До 1700 г. ниже этого места построили наземный храм во имя св. Григория Просветителя, просуществовавший до землетрясения 1751 года или до вывода армян из Крыма, а затем разобранный на камень. Каменоломня была организована и поблизости от пещерного храма, что способствовало его обрушению во второй четверти XIX в. прямо на фундамент наземной церкви.

6. Во втором десятилетии XIX в. на новом месте был построен наземный крестово-купольный храм во имя Пресвятой Богородицы, уничтоженный уже в XX столетии.

Вышеизложенное, на наш взгляд, указывает на исключительную добросовестность армянских историков и достоверность сообщаемых ими сведений, а также на необходимость углублённого изучения памятников армянского зодчества в Бахчисарае.

СОКРАЩЕНИЯ

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук.

КРУБИКЗ – Крымское Республиканское учреждение “Бахчисарайский историко-культурный заповедник”.

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

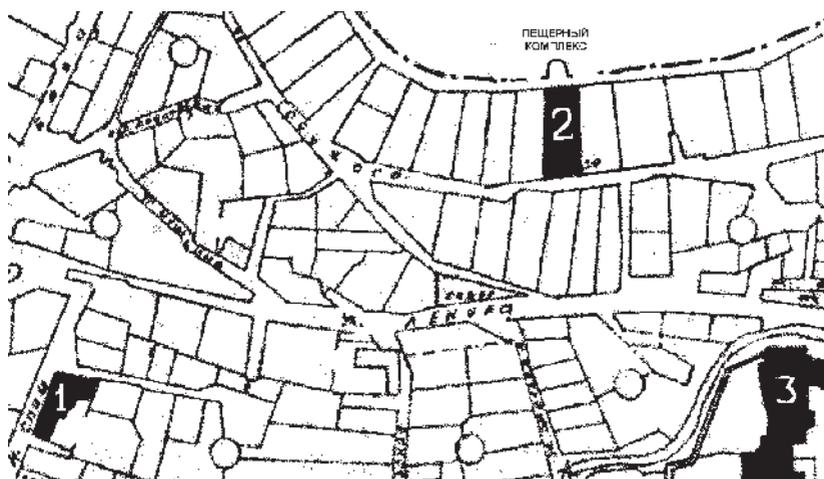

Рис. 1. Фрагмент плана г. Бахчисарая: 1 – бывший полицейский участок, 2 – участок по ул. Горького с расположенным на нём пещерным комплексом, 3 – Ханский дворец

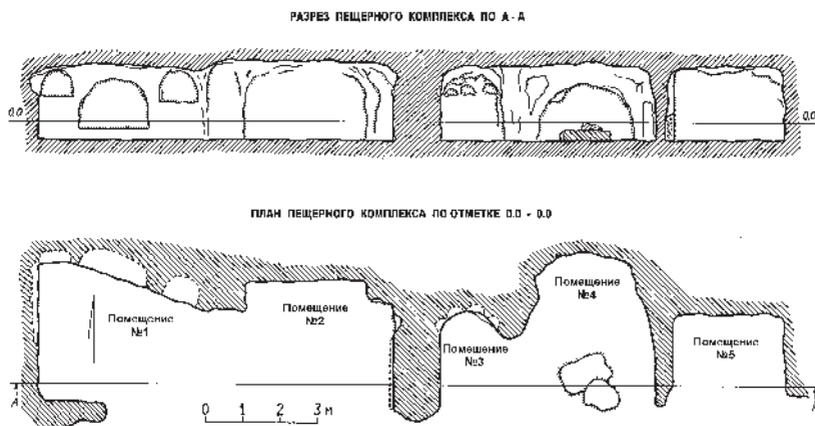

Рис. 2. План и разрез пещерного комплекса на ул. Горького

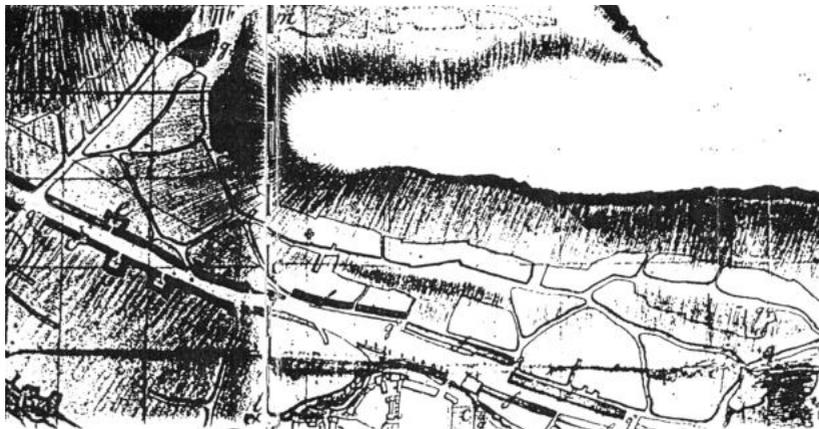

Рис. 3. Фрагмент плана Бахчисарая 1786 г.
[РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 5515]

Рис. 4. Фрагмент плана Бахчисарая 1811 г.
[РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 5518]

Рис.5. Спутниковое фото центральной части Бахчисарая (фото с сайта Google.com). 1 – пещерный комплекс на ул. Горького, 28а, 2 – скальный навес с подрубки (ул. Горького, 30), 3 – предполагаемое место наземного храма Успения Пресвятой Богородицы, 4 – предполагаемое место “новопостроенного” храма Богородицы

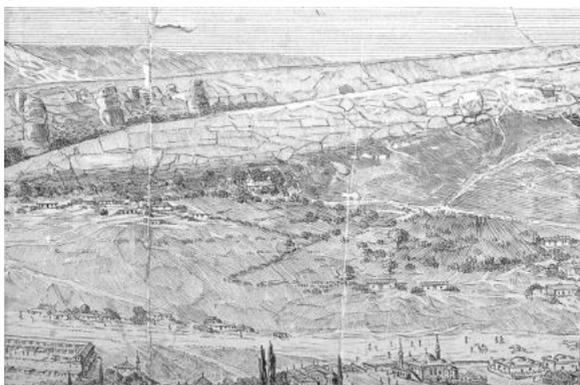

Рис. 6. Рисунок П. Туманского, реконструирующий панораму г. Бахчисарая времён Крымского Ханства. 1933 г. Из фондов КРУБИКЗ (Фотокопия выполнена В. Н. Борисовым)

Рис. 7. Предполагаемое первоначальное местонахождение пещерного храма Пресвятой Богородицы на ул. Пушкина (отмечено стрелкой, фото автора)

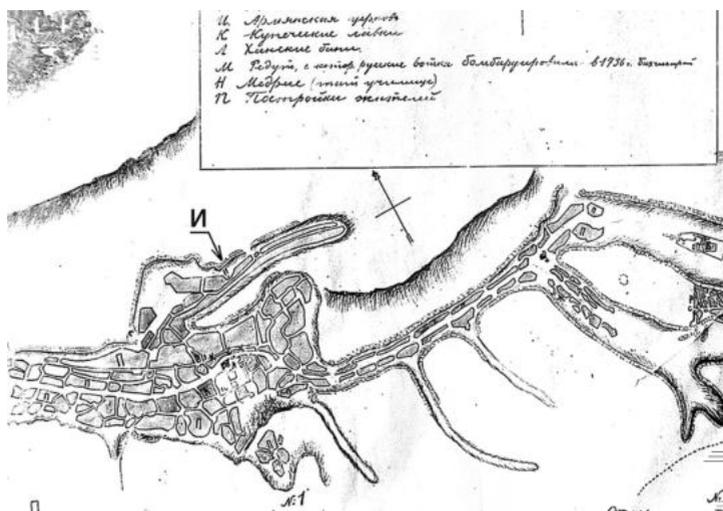

Рис. 8. Фрагмент плана г. Бахчисарая 1775 г. в современной орфографии из экспозиции КРУБИКЗ (фотокопия выполнена В. Н. Борисовым). Литерой "И" обозначена армянская церковь

Рис. 9. Остатки наземного храма св. Григория Просветителя

Рис. 10. Объекты на улице Пушкина: 1 – обломки пещерного храма Пресвятой Богородицы и фундамент наземного храма св. Григория Просветителя, 2 – описанная И. Жюрьяри “яма”, 3 – подобие алтарной абсиды с нарубленными к ней ступеньками, 4 – предполагаемое первоначальное местонахождение пещерного храма Пресвятой Богородицы (фото с сайта Google.com)

Рис. 11. Армянская церковь в Бахчисарае
(предположительно, “новая” церковь Пресвятой Богородицы).
Фото из архива КРУБИКЗ (фотокопия В. Н. Борисова)

ЛИТЕРАТУРА

Архив ИИМК РАН, ф. I, 1872 г., № 35

Веймарн Е. В. Ансамбли искусственных пещер Юго-Западного Крыма и их грузинские аналогии. Москва, 1980. Рукопись. Архив Т. М. Фадеевой.

Веймарн Е. В., Чореф М.Я. Пещерные монастыри Крыма и их грузинские аналогии. Рукопись, б/г. Архив М. М. Чорефа.

Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е, Желтов М. С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // *Российская археология*. 2005. № 1.

Гаприндашвили Г. М. Памятник скальной архитектуры **Вардзиа**. Ленинград, 1975.

Днепровский Н. В. К истории христианского поселения на месте современного Бахчисарая. Вновь найденный пещерный скит

в старой части города // **Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.** Севастополь, 2008а. Вып. I.

Днепровский Н. В. Пещерный комплекс в историческом центре Бахчисарая и его возможная этноконфессиональная атрибуция // **Исследования по арменистике в Украине.** Вып. 1. Симферополь, 2008б.

Днепровский Н. В. К вопросу о количестве армянских религиозных центров в г. Бахчисарае и их локализации // **Исследования по арменистике в Украине.** Вып. 2. Симферополь, 2010.

Днепровский Н. В., Чореф М. М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // **Историческое наследие Крыма,** № 20, 2007. Симферополь, 2007.

Журьяри И. Поездка в ближайшие окрестности Бахчисарая // **Известия Таврической Учёной Архивной комиссии.** Симферополь, 1890. № 9.

Кипшидзе Д. А. **Пещеры Ани.** Материалы XIV Анийской археологической кампании 1915-го года. Ереван, 1972.

Корхмазян Э. М. О фреске “Трёх всадников” в Эски-Кермене // **Исследования по арменистике в Украине.** Вып. 1. Симферополь, 2008.

Могаричев Ю. М. **Пещерные церкви Таврики.** Симферополь, 1997.

РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 5515.

РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 5518.

Саргсян Т. Э. Об армянских духовно-культурных центрах Бахчисарая (XVI–XVII вв.) // **VI Таврические научные чтения.** Симферополь, 2006.